

арсеналу здатністю наблизити читача до внутрішнього світу людини іншої національності за допомогою витонченіших і багатозначних сюжетних і характеротворчих засобів» [1, с. 370]

Дуже схожими є психологічні образи дівчаток Жаклін Вілсон, Марії Парр, А. Ліндгрена. Продовжуючи кращі традиції скандинавської літератури, Марія Парр показує, що дитина – це маленький дорослий з цілим комплексом проблем, зі своїм поглядом на світ, тож вони мають бути урівняні в правах; дозволяє своїм героям сприймати гру як життєву реальність, що вивіщує дитину в її власних очах; звертаючись до теми самотньої дитини, актуалізує проблему дитини-сироти, вкотре привертаючи до неї увагу суспільства. Утім сирітство і самотність, акцентує письменниця, мають радше духовний характер, хоч і соціальний аспект цієї проблеми також прочитується. Таким чином, Марія Парр висловлюється за визнання прав дітей як на суспільному, так і на державному рівні, актуалізуючи один із принципів мультикультуралізму – «зближення концепту свободи індивіду з ідеєю прав людини і прав колективу» [3, с. 100–101].

Отже, твори зарубіжних письменників цілком надаються до аналізу кризь призму мультикультуралізму, виховуючи повагу до певних культурних цінностей, взаємобагачення культур, а також розвитку нової, комунікативної, етики і моралі. А з цього висновується, що мультикультурний чинник може входити у структуру сучасного літературознавчого дискурсу й дитячої літератури, зокрема. Теми, які хвилюють дітей, і проблеми, які порушують зарубіжні письменники в творах для дітей, є актуальними і цікавими як для англійської, шведської, норвезької дитини, так і української й багатьох інших, «навіюючи думку про те, що ми – українці і євреї, англійці і китайці, чорні, білі й жовті – нащадки Адама і Єви [1, с. 383]. Можливо, тому такі книги варто читати разом, привносячи ідеї розуміння і поваги один до одного із книжкової реальності у життєву. Тут якраз повною мірою і спрацьовує мультикультуральний підхід до вивчення дитячої літератури.

Безперечно, цією розвідкою не вичерпується повнота осмислення заявленої теми, вона є лише першим кроком до більш глибоких досліджень дитячої літератури кризь призму мультикультуралізму.

Література:

1. Будний В. Порівняльне літературознавство / В. Будний, М. Ільницький. – К. : Кисво-Могиланська академія, 2008. – 430 с.
2. Горбунова Л. Мультикультуралізм в освіті : імперативи, можливості та загрози // Культура і сучасність : альманах – К. : Міленіум, 2011. – № 1. – С. 5–13.
3. Дрожжина С.В. Мультикультуралізм : теоретичні і практичні аспекти / С. Дрожжина // Політичний менеджмент. – 2008. – № 3 (30). – С. 96–106.
4. Луцевська Оксана. Мультикультурний і критичний мультикультурний аналіз в системі вивчення дитячої літератури США / Оксана Луцевська. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://kazkarka.com/studiji/multykulturnyj-i-krytychnyj-multykulturnyj-analiz-v-systemi-vyvchennya-dytychoji-literatury-ssha.html>.
5. Мультикультуралізм. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : ru.wikipedia.org/wiki/.
6. Саїд Едвард. Орієнталізм / Едвард Саїд. – К. : Основи, 2001. – 511 с.

УДК 811

Е. А. Колмыкова,

Измаильский государственный гуманитарный университет, г. Измаил

МИХАИЛ КУЗМИН – ПЕРЕВОДЧИК

Яскравий представник літератури Срібної доби в цілому та російського естетизму зокрема, був відомий не лише як письменник та поет, музикант та художник, але й як критик та перекладач. Метою статті є виявлення ідей Міхаїла Кузміна щодо мистецтва перекладу. Серед питань, що хвилювали М. Кузміна, були: достеменність перекладу, збереження стилю та форми тексту, що перекладається, відповідальність перекладача перед автором літературного твору та перед читачами. Характерною рисою перекладацьких поглядів М. Кузміна є віддзеркалення в них принципів естетизму (єдність форми та змісту, звернення до античності та класики, тощо), представником якого він був.

Ключові слова: переклад, естетизм, форма, стиль.

Ярчайший представитель литературы Серебряного века в целом и российского эстетизма в частности, известен не только как писатель и поэт, музыкант и художник, но и как критик и переводчик. Цель статьи заключается в выявлении идей Михаила Кузмина об искусстве перевода. Среди вопросов, волновавших М. Кузмина, следует отметить: точность перевода, сохранение стиля и формы исходного текста, ответственность переводчика перед автором художественного произведения и перед читателями. Характерной чертой переводческих взглядов М. Кузмина является отражение в них принципов эстетизма (единство формы и содержания, обращение к античности и классике и т.д.), представителем которого он и являлся.

Ключевые слова: перевод, эстетизм, форма, стиль.

An outstanding representative of the Silver Age literature in general and Russian aestheticism in particular is famous not only as a writer and poet, musician and artist, but also as a critic and translator. The article aims at revealing the ideas of Mikhail Kuzmin concerning the art of translation. The most important questions for Mikhail Kuzmin were: the accuracy of the translation, preserving of the style and form of the text to be translated, the responsibility of the translator before the author of the literary work and before the readers. Mikhail Kuzmin's views upon translation reflect the principles of aestheticism (the unity of manner and matter, address to antiquity and the classics, etc.), the representative of which he was.

Keywords: translation, aestheticism, form, style.

Известно, что существует две основные концепции художественного перевода – лингвистическая и литературоведческая. Предметом исследования лингвистов является сам переводческий процесс (поиск лексических, грамматических и текстовых соответствий), в то время как сфера интересов литературоведов – это, прежде всего, аксеологические аспекты перевода. Трудно не согласиться с В. Виноградовым, подчеркивающим взаимозависимость обеих концепций: «...при анализе переводческих проблем, например, на материале художественного перевода, лингвисту не обойтись без эстетических оценок и литературоведческих подходов, а литературоведу, размышляющему о переводе, постоянно приходится обращаться к лингвистическим понятиям» [1, с. 9].

В данной связи безусловный интерес представляет литературное наследие представителей Серебряного века, многие из которых в своем переводческом творчестве соединяли оба подхода – лингвистический и литературоведческий.

Один из ярчайших представителей русской литературы рубежа XIX–XX веков, М. Кузмин известен не только как поэт и писатель, художник и музыкант, но и как переводчик. Многообразие художественного наследия М. Кузмина послужило поводом к изучению его поэзии (А. Лавров и Р. Тименчик «Милые старые миры и грядущий век» (1990), С. Куняев «Жизнь и поэзия Михаила Кузмина» (1992), М. Гаспаров «Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный: (М. Кузмин, «Сети». Ч.3) (1997), Л. Панова «Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина» (2006) и др.) и прозы (И. Доронченков «...Красавица, как полотно Брюллова» (1993), О. Бурмакина «О структуре романа М. Кузмина «Тихий страж»» (1996)), А. Тимофеев «М. А. Кузмин в полемике с Ф. М. Достоевским и А. П. Чеховым» (1997), О. Лекманов «Фрагменты комментария к «Крыльям» Михаила Кузмина» (2001) и т.д.). Переводческая же деятельность русского модерниста практически остается вне интереса ученых.

Цель данной статьи состоит в выявлении требований, предъявляемых М. Кузминым к переводу.

Идеи М. Кузмина относительно художественного перевода не систематизированы в одном труде, но разбросаны в многочисленных рецензиях на переводы иностранной литературы современниками.

Необходимо отметить, что в начале XX века в России не существовало четко сформировавшейся школы перевода. В 1918 г., когда М. Горький основал издательство «Всемирная литература» (над созданием которого трудились известные писатели, переводчики и ученые), возникла потребность в теории художественного перевода, которая бы вооружила переводчика «ясными принципами, дабы каждый – даже рядовой – переводчик мог усовершенствовать свое мастерство» [7, с. 4]. Характерно, что на первых порах именно писатели внесли весомый вклад в создание теории перевода: М. Горький (предисловие к «Каталогу издательства «Всемирная литература» при Наркомпроссе», 1919), К. Чуковский, Н. Гумилев (брошюра «Принципы художественного перевода», 1919).

Важную роль в развитии науки переводоведения сыграли «малые исследовательские жанры», столь популярные у представителей Серебряного века. В частности, за десять лет до основания М. Горьким издательства «Всемирная литература» М. Кузмин в критических статьях и рецензиях на переводы своих современников высказывал весомые суждения об искусстве перевода.

Среди вопросов, интересовавших М. Кузмина, значительное место занимает вопрос о точности перевода, об ответственности переводчика перед читателями и перед автором. Так, в рецензии на перевод Зинаиды Ц. «Из Мюссе и Верлена» (1907), М. Кузмин утверждает, что «малейший обман», «недобросовестность в обращении с чужим имуществом» достойны «самого сурового порицания» [6, с. 82–83].

Вольное «обращение» переводчицы Зинаиды Ц. с исходным текстом М. Кузмин комментирует следующим образом: «... что читатель узнает из этой книги? Что Мюссе и Верлен были очень посредственными, пошлыми поэтами, систематически писавшими сонеты в 18 строчек (!) [известно, что стихотворная форма сонет насчитывает не 18, но 14 строк – Е. К.], как две капли воды похожими друг на друга, которых совершенно неизвестно почему считают светилами французской лирики» [6, с. 83]. Возмущение М. Кузмина подобной небрежностью объяснима и понятна. Как эстет, М. Кузмин выступал за совершенство формы произведений искусства, полагая, что творения писателя (а следовательно, и переводчика), должны подчиняться законам гармонии: «... смутные и мрачные вымыслы Эдг. По, необузданные фантазии Гофмана нам особенно дороги именно потому, что они облечены в кристальную форму» [3, с. 6]. Для М. Кузмина искусство, являясь «осуществлением, воплощением, овеществлением», не может существовать «вне формы и материала» [8, с. 377].

Отмечая неточность переводов Зинаиды Ц., русский эстет совершенно справедливо заявляет, что вышеупомянутый автор «своими «переводами» публику ввела в соблазн, а себя поставила в очень незавидное положение», не оставив «от подлинника камня на камне» [6, с. 83].

Заканчивая свою рецензию, М. Кузмин дает следующий совет: «Если ... Вы хотите выпускать Ваши книжки, то не упоминайте, что это – переводы: так будет удобнее и порядочнее, а мы будем иметь дело только с Вами, без посредства великих теней» [6, с. 83].

Несмотря на то, что М. Кузмин требовал соответствия перевода оригинальному тексту, все же он признавал влияние стиля переводчика на перевод чужого художественного произведения. Так, в 1914 г. в рецензии на книгу «Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков» в переводе Вяч. Иванова, он отмечает: «Имя переводчика предопределяет все достоинства и некоторые недостатки перевода» [5, с. 393].

Интерес М. Кузмина вызывал также вопрос о необходимости нового перевода классических произведений, к которому он обращается в статье «Несколько слов о переводе <отрывка из «Илиады» Гомера>» (1933). Интересно, что в этой статье русский эстет выступает уже не как рецензент чужих переводов, но непосредственно как переводчик. Осознавая, что перевод Гомера – это «предприятие настолько ответственное, что установлено оно должно быть на весьма веских основаниях, под которые не подкопаешься, или же надо со всей откровенностью призывать на помощь такие эфемерные поводы, как «устарелый язык бывшего перевода», «непреодолимое желание переводчика» и т. п.» [2, с. 512], М. Кузмин отмечает, что «всякие половинные мотивировки будут неубедительны» [2, с. 512].

Данная статья интересна с точки зрения переводческого подхода М. Кузмина. Признавая, что при переводе художественного произведения необходимым условием является наличие определенной системы, русский эстет отмечает, что ему приходилось ею «жертвовать» при необходимости. Так, в русском гекзаметре М. Кузмин широко употреблял спондеи в попытке сохранить все богатство и жизненность гомеровского стиля. Как видим, «жертва» эта вполне оправдана (в отличие от изменений, вносимых Зинаидой Ц. в стихотворные структуры произведений Верлена и Мюссе) [см. выше – Е. К.].

М. Кузмин так аргументирует потребность в более современном переводе классических произведений: «Стилистические особенности перевода тесно связаны с важнейшими вопросами о множестве жизней, переживаемых великими произведениями (потому они и велики) в каждую эпоху по-разному, о необходимости от времени до времени пересмотра мирового запаса литературы и установления новой точки зрения о пригодности для нашей эпохи Гомера (так как бывают такие эпохи, когда часть литературы временно затмевается, чтобы снова появиться потом; так было с Шекспиром в XVIII веке) и т. п.» [2, с. 514]. Как видим, М. Кузмину переводчику близки оба переводческих подхода – и лингвистический, и литературоведческий.

Снова к вопросу о необходимости нового перевода классических произведений М. Кузмин обращается в 1936 г. в статье «От переводчика «Трагедии В. Шекспира «Король Лир»». Признавая, что все предшествующие переводы произведений английского драматурга были точны, благозвучны и высокохудожественны, М. Кузмин настаивает на более современном переводе, обосновывая свою точку зрения следующим образом: » ... с изменением взгляда на творчество Шекспира изменились и требования, предъявленные к передаче его словесного материала» [4, с. 515].

Под этими требованиями М. Кузмин подразумевает «конкретность, вещьность образов и выражений, полновесность и насыщенность». Он призывает не прибегать к «смягчениям и замазываниям, хотя бы для современных ушей выражения

и казались грубыми и резкими». Отмечая тот факт, что «драматургические произведения рассчитаны на сценическую интерпретацию», язык перевода, по мнению М. Кузмина, должен быть удобен для произнесения вслух и передавать с возможной гибкостью интонационные оттенки [4, с. 515].

Как видим, М. Кузмин-переводчик и М. Кузмин-рецензент переводов, ратуя за точность формы и содержания перевода, за их единство, остается верным своей художественной позиции. Но не только в этом проявляется его эстетизм. Он прослеживается и в выборе М. Кузминым для перевода античных текстов («Илиада» Гомера), поскольку модернисты (и эстеты в том числе) были известны своим интересом к искусству античности. Перевод классических произведений («Король Лир» У. Шекспира) также раскрывает эстетизм М. Кузмина, одним из важных принципов которого было обращение за вдохновением к классикам.

Остануться открытими перспективи дальшого изучения втілення ідей М. Кузміна в його власних перекладах.

Література:

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Кузмин М. Несколько слов о переводе <отрывка из «Илиады» Гомера> / Проза и и эссеистика: в 3 т. – М. : Аграф, 2000. – Т. 3: Эссеистика. Критика, 2000. – 768 с. – С. 512-515.
3. Кузмин М. О прекрасной ясности / Проза и эссеистика: в 3 т. – М. : Аграф, 2000. – Т.3: Эссеистика. Критика, 2000. – 768 с. – С. 5–20.
4. Кузмин М. От переводчика <«Трагедии В. Шекспира «Король Лир»>> / Проза и эссеистика: в 3 т. – М. : Аграф, 2000. – Т. 3: Эссеистика. Критика, 2000. – 768 с. – С. 515–516.
5. Кузмин М. Рецензия на книгу «Алкей и Сапфо. Собрание песен и лирических отрывков» / Проза и и эссеистика: в 3 т. – М. : Аграф, 2000. – Т.3: Эссеистика. Критика, 2000. – 768 с. – С. 392–393.
6. Кузмин М. Рецензия на перевод Зинаиды Ц. «Из Мюссе и Верлена» / Проза и эссеистика: в 3 т. – М. : Аграф, 2000. – Т. 3: Эссеистика. Критика, 2000. – 768 с. – С. 80–83.
7. Кузмин М. Эмоциональность как основной элемент искусства / Проза и эссеистика: в 3 т. – М. : Аграф, 2000. – Т. 3: Эссеистика. Критика, 2000. – 768 с. – С. 375–380.
8. Чуковский К. Высокое искусство / Корней Иванович Чуковский. – М., 1964. – 356 с.

УДК 82.09

Т. Б. Кондратьева,

Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, м. Тернопіль

МИСТЕЦТВО У ДИСКУРСІ ТРАНСКУЛЬТУРАЛІЗМУ (НА ПРИКЛАДІ ОПОВІДАННЯ ХАРУКІ МУРАКАМІ «ДРУГЕ ПОГРАБУВАННЯ БУЛОЧНОЇ»)

У статті окреслено ключові теоретичні засади транскультуралізму як філософсько-світоглядної течії, простежено особливості трактування категорії ідентичності у цьому контексті, виокремлено характерні риси транскультурного мистецтва. На прикладі оповідання Х. Мураками «Друге пограбування булочної» проілюстровано художню трансформацію концептів транскультуралізму в літературному тексті.

Ключові слова: транскультуралізм, динамічна ідентичність, «позазнаходження», ризоматичність, транскультурні коди.

В статье обозначены ключевые теоретические основы транскультурализма как философско-мировоззренческого течения, прослежены особенности трактовки категории идентичности в этом контексте, выделены характерные черты транскультурного искусства. На примере рассказа Х. Мураками «Второе ограбление булочной» проиллюстрировано художественную трансформацию концептов транскультурализма в литературном тексте.

Ключевые слова: транскультурализм, динамическая идентичность, «внезаходимость», ризоматичность, транскультурные коды.

In the article the key theoretical grounds of transculturalism as philosophical trend have been outlined, the peculiarities of interpreting the category «identity» in this context have been traced, the characteristic features of transcultural art have been defined. Using the example of Haruki Murakami's short story «The Second Bakery Attack» the fictional transformation of transcultural concepts in literary text has been illustrated.

Key words: transculturalism, dynamic identity, «outsideness», rhizomatic nature, transcultural codes.

Виникнення нових парадигм, які спонукають індивіда бачити і мислити по-іншому – це результат зближення між культурами внаслідок спрощення комунікації, що дає змогу відкривати та освоювати нові культурні простори без особливих перешкод. Така ситуація зумовлена різними чинниками: суспільно-політичними (налагодження дипломатичних відносин між різними країнами світу), соціально-економічними (міграційні процеси). Особлива роль відведена розвитку інформаційних технологій, які відкривають практично необмежений доступ до культурного знання усіх епох і народів. За таких умов індивід сам отримує право та можливість обирати і присвоювати досвід інших культур, відповідно адаптуючи його до власних потреб, витворюючи власну нову ідентичність. На зміну відмежованості культур приходить їх взаємоприсутність.

У філософсько-естетичній думці кінця ХХ – поч. ХХІ століття виникає новий напрям – транскультуралізм. Вперше цей термін використав кубинський антрополог і соціолог Ф. Ортіз для означення нової стадії відносин між деколонізованими народами та колишніми імперіями. Згодом його використовував у своїх дослідженнях із філософії культури американець польського походження Б. Маліновський. Особливий внесок у розвиток концепції транскультури зробив М. Епштейн, який у свою чергу зазначив, що платформою для виникнення транскультуралізму були дослідження російських культурологів Ю. Лотмана, А. Лосева, В. Біблера, а також праці відомого літературознавця М. Бахтіна, який ввів та обґрунтував один із основних концептів культурології – «позазнаходження» як перспективу, що дозволяє об'єктивно сприймати та оцінювати інші культури без інтерференції з власною культурною ідентичністю. Філософсько-естетичні концепти транскультури окреслені у працях М. В. Тлостанової. Серед українських дослідників над цією проблемою працювали Н. Висоцька, Т. Гуменюк, Т. Надута, які зокрема акцентували увагу на естетичних аспектах, розглядаючи транскультуру в контексті постмодерністського світобачення.